

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА.

(ИЗСЛѢДОВАНИЕ).

Федоръ Гершельманъ.

Генеральнаго штаба полковникъ, начальникъ Оренбургскаго
казачьяго юнкерскаго училища.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая ул., № 36.

1885.

Вліяніє состава кавалеріи, входящей въ армію.

Не малое значеніє въ смыслѣ вліянія на развитіє и успѣхъ партизанскихъ дѣйствій имѣетъ составъ кавалеріи, входящей въ армію.

Переходя къ разсмотрѣнію этой данной, намъ надлежитъ разсмотрѣть три стороны этого вопроса: составъ кавалеріи, собственно въ смыслѣ матеріала, начальника партизанскихъ отрядовъ и организацію кавалеріи въ составѣ арміи.

а) *Составъ кавалеріи.* Просматривая исторію партизанской войны, можно замѣтить, что далеко не во всѣхъ арміяхъ партизанская война получила развитіє, а также, что наибольшее развитіє и успѣхъ ея встрѣчается со стороны русской арміи, австрійской и въ Америкѣ. Со стороны русской арміи партизанскія дѣйствія велись преимущественно казаками, въ австрійской арміи въ эпоху Фридриха—венгерскою кавалерією, наконецъ въ Америкѣ такъ называемою партизанскою кавалерією.

Это заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на разсмотрѣніи состава боевыхъ свойствъ и вообще характера этихъ конницъ. Начнемъ съ казаковъ.

Вѣковыя вторженія въ предѣлы Россіи разныхъ восточныхъ племенъ содѣйствовали образованію въ южной степной полосѣ ея казачества.

Выросшіе на конѣ, съ-молоду привыкшіе дышать привольнымъ воздухомъ степи, представляющей широкій просторъ удали и молодечеству, выросшіе при условіи постоянной опасности отъ сосѣдей и въ постоянныхъ поискахъ за добычей среди безграничныхъ степей и горныхъ ущелій, словомъ, при условіяхъ, въ которыхъ всѣ интересы,

имущественные, нравственные, наконец личную безопасность должно было отстаивать оружіемъ, казаки выработались подъ вліяніемъ этой боевой обстановки совершенно своеобразно. Военное ремесло представляется господствующимъ интересомъ и сообщаетъ всему казачеству одинъ общій военный духъ. Сталкнувшись съ полудикими племенами съ нами враждовавшими, казаки усвоили отъ нихъ образъ веденія войны, который, основываясь на неустойчивой подвижности, состоялъ во внезапныхъ набѣгахъ, набѣгахъ безформенныхъ, но быстрыхъ, дерзкихъ и дикихъ.

Подъ вліяніемъ такихъ условій жизни въ казачествѣ выработался воинскій пылъ—тотъ духъ беззаветной лихости, отваги, не знающей себя препоны, которыми каждый казакъ отмѣченъ со дня рожденія; выработалось умѣніе владѣть оружіемъ, ловкость въ одиночномъ бою; выработались бдительность, осторожность, сметка, находчивость, способность къ военнымъ хитростямъ, наконецъ выработались и извѣстныя физическія способности, до тонкости развитый глазъ, ухо и проч. Степь дала казаку лошадь, способную къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ, крайне неприхотливую къ корму и къ уходу за нею, словомъ, въ высокой степени выносливую и вполнѣ соответствующую боевымъ требованіямъ.

Такимъ образомъ, у казака путемъ естественнымъ выработались всѣ тѣ неопредѣлимые для легкаго кавалериста качества, которыя доводятся вырабатывать въ регулярной кавалеріи и которыя являются казаковъ образцомъ легкой конницы, незамѣнимыми во всѣхъ предпріятіяхъ, требующихъ быстроты, продолжительности и скрытности движенія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что казаки, ловкіе и грозные на конѣ, съ успѣхомъ ведутъ бой и въ спѣшенномъ строю, и притомъ серьезный пѣхотный бой (штурмъ Измаила, Очакова, Орѣшка).

Въ подтвержденіе сказаннаго лучше всего сослаться на отзывы о нихъ иностранцевъ.

Де-Бракъ указываетъ на казаковъ, какъ на совершенный образецъ легкой кавалеріи. Легкая кавалерія, говоритъ онъ, подобно казакамъ, окружаетъ армію бдительной и непроницательной стѣною и, защищая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ утомляетъ непріятеля, постоянно наноситъ удары и лишь рѣдко сама подвергается имъ, прекрасно и вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. «Казаки были орудіе, говоритъ Ла-Валетъ, которое дѣлало войну опасной».

Гонронъ Моронъ, говоря о казакахъ, высказываетъ между прочимъ: «Но эти конные народы не знаютъ ни правильныхъ подраздѣленій на

части, ни равненія, не знаютъ вообще столь высока цѣнимаго порядка и стройности; они ѣздятъ обыкновенно прижавъ колѣни къ лошади, а ногами упираются на широкія стремяна, служащія имъ опорой при употребленіи въ дѣло оружія, такъ что они могутъ наклонять корпусъ для нанесенія удара и отшатываться назадъ для избѣжанія послѣд-
няго. Лошади ихъ приѣзжанныя такимъ образомъ, что могутъ съ мѣ-
ста бросаться въ карьеръ и сразу останавливаться на карьерѣ, усугубляютъ ихъ ловкость и какъ бы составляютъ съ ними одно цѣлое. Люди эти постоянно бодрствуютъ, двигаются съ замѣчательной быстро-
той, имѣютъ весьма ограниченныя потребности, и въ ихъ умахъ за-
рождаются однѣ лишь воинственныя мысли. Таковы люди, нашествія
которыхъ обозначались страшными опустошеніями и которые, быть мо-
жетъ, въ скоромъ времени измѣнятъ участь многихъ народовъ» и т. д.

И далѣе: «Движеніе великой французской арміи было замедлено казаками; отрѣзавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ остер-
вененіемъ нападали на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ,
безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ и обезсиливаютъ льва».

И еще далѣе: «какое чудное зрѣлище представляла эта европейская
кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая
сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ іюльскаго дня и сіяющая
пыломъ и храбростью! Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ
безполезныя и столь истощившіе ея маневры, которые она упо-
требляла противъ казаковъ, на которыхъ прежде она не обращала
вниманія, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи чуть-ли не болѣе,
чѣмъ всѣ ея арміи этой имперіи: ежедневно показывались они на гори-
зонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ
ловкіе наѣздики смѣло подѣзжали чуть не къ самимъ нашимъ ше-
ренгамъ; мы строились, шли на эту линію, но когда совсѣмъ уже под-
ходили къ ней, они исчезали, и на горизонтѣ снова виднѣлись однѣ бе-
резы да сосны; но часъ спустя, когда лошадямъ заданъ былъ кормъ,
атака начиналась снова, черная линія ихъ опять появлялась—и снова
повторялись тѣ же маневры, приводившіе къ тѣмъ же результатамъ. И,
такимъ образомъ, самая лучшая, самая храбрая кавалерія была заму-
чена и изнурена людьми, которыхъ они считали недостойными для себя
противниками, но которые между тѣмъ одни могли спасти государство,
нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей.
Къ довершенію нашего огорченія, нужно прибавить, что наша кавале-
рія была многочисленнѣе казаковъ; что она была поддержана самой лег-
кой и доблестной артилеріей, составлявшей ужаснѣйшее изъ когда-либо
существовавшихъ орудій смерти; кромѣ того, надо замѣтить, что ея на-

чальникъ, образецъ храбрости, поддерживалъ каждое свое движеніе самой неустрашимой пѣхотой. И, не смотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей, на изодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были устланы трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ, неустрашимыхъ и столь преданныхъ славу нашего отечества: вотъ что значить организація, вотъ въ чемъ заключается тайна побѣдъ Чингизъ-хана и т. д.»

Вотъ отзывы нашихъ противниковъ о доблестномъ нашемъ казачествѣ, покрывшихъ себя неувядаемыми лаврами въ грозную эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Эти выписки яркими красками обрисовываютъ боевыя свойства, духъ и силу казаковъ, тѣхъ самыхъ казаковъ, про которыхъ Ла-Валетъ сказалъ, что «геній императора (Наполеона) парализуется дѣятельностью казаковъ...»; тѣхъ казаковъ, которыхъ Наполеонъ называлъ: «посрамленіемъ рода человѣческаго» (*la honte de l'espèce humaine*), потерявшихъ въ средствахъ и отчаявшихся въ возможности борьбы съ ними.

Что можетъ быть послѣ того идеальнѣе казака въ смыслѣ легкаго кавалериста, что можетъ быть пригоднѣе казака къ партизанской службѣ...? Но истинѣ нельзя не признать казаковъ высокимъ образомъ партизанской конницы.

И такъ, стало быть казаки представляютъ изъ себя *легкую конницу въ самомъ широкомъ смыслѣ, и притомъ конницу, возникшую путемъ естественнымъ.*

Посмотримъ теперь, какова была американская кавалерія, столь громко заявившая о себѣ на поприщѣ партизанской войны въ послѣднее время.

До начала войны въ составъ небольшой регулярной арміи входило пять кавалерійскихъ полковъ. Служба ея состояла въ охраненіи западныхъ границъ противъ индѣйцевъ. Эта продолжительная и упорная борьба съ индѣйскими племенами была отличною школою для американской кавалеріи. Находясь всегда среди суровой боевой обстановки, имѣя дѣло съ такимъ неутомимымъ, энергичнымъ и опаснымъ врагомъ, какъ индѣйцы, кавалерія всегда была въ самой тяжелой работѣ, вродившей въ нее способность къ быстрымъ и дальнимъ передвиженіямъ, умѣніе управлять конемъ и умѣніе соразмѣрять его силы.

Кавалерія эта сидѣла на американскихъ лошадяхъ, хотя небольшихъ, но чрезвычайно выносливыхъ, способныхъ *къ усиленному труду*, также какъ и казачья лошадь, крайне неприхотливая къ уходу, къ погодѣ и къ корму, довольствующаяся въ большинствѣ случаевъ одними только дикими травами степей.

Таковы были условія службы кавалеріи до начала междоусобной войны. Что касается условій комплектованія кавалеріи, то кавалерія южанъ комплектовалась изъ числа обязанныхъ службою и бывшихъ въ состояніи имѣть собственныхъ лошадей: «Правы и обстановка жизни, говоритъ г. Сухотинъ, вполне подготовляли населеніе юга къ службѣ въ кавалеріи. Проживая въ разбросанныхъ поселкахъ плантацій, среди неблагопріятныхъ условій къ жизни, оно привыкло къ лишеніямъ; жизнь въ поляхъ, большія разстоянія между фермами и дурныя дороги приучили жителей къ верховой ѣздѣ; къ этому же охота и спортъ всякаго рода составляли обыкновенно занятіе плантатора на досугѣ. Подъ вліяніемъ этихъ условій въ населеніи образовались выносливые, привычные ѣздоки, умѣвшіе обращаться съ лошадью. Подчиненныя отношенія большинства населенія къ аристократамъ, существованіе рабовъ, привычка управлять себѣ подобными сдѣлали населеніе юга болѣе способнымъ къ дисциплинѣ».

Такимъ образомъ южане имѣли прекрасный матеріалъ для комплектованія кавалеріи, но при этомъ правительство не задумывалось удалять изъ нея сколько нибудь сомнительные и подозрительные элементы, даже во время войны. При этомъ общемъ характерѣ кавалеріи, она раздѣлялась на регулярную, партизанскую, развѣдочную и ординарческую.

Что касается партизанской кавалеріи, которая главнымъ образомъ и предназначалась къ партизанской войнѣ, составлявшей предметъ особаго вниманія, то она состояла изъ волонтеровъ, добровольно собиравшихся подъ начальство прославившихся партизановъ. Она образовалась съ самаго начала войны, такъ какъ тогда же явились предложенія гражданъ о формированіи отрядовъ, и такимъ путемъ съ самаго начала явилась масса партизанскихъ кавалерійскихъ отрядовъ.

Правительство, не расходуясь на нихъ, предоставляло имъ содержать себя на счетъ военной добычи, большую часть которой они должны были продавать правительству.

Главное оружіе кавалеріи составляетъ оружіе огнестрѣльное, въ пользу котораго американцы убѣдились въ ихъ войнахъ съ индѣйцами.

Кавалерія, кромѣ сабли, была вооружена ружьемъ или карабиномъ и револьверомъ. «Это вооруженіе, говоритъ г. Сухотинъ, какъ показали опыты цѣлой войны, доставило конницѣ небывалую до сихъ поръ, самостоятельную и полнѣйшую независимость отъ пѣхоты. Массы кавалеріи по цѣлымъ мѣсяцамъ дѣйствовали въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ пѣхоты, причемъ ни пересѣченная, ни закрытая мѣстность, ни укрѣпленныя позиціи, ни даже форты—ничто, на основаніи выработавшагося взгляда затрудняющее употребленіе кавалеріи и уменьшаю-

шее сферу ея дѣятельности, ничто не останавливало кавалеріи и не суживало сферы употребленія ея».

Все это вполне подтверждается вышеприведенными фактами.

Подготовка кавалеріи была двойкая: на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ учебныхъ лагеряхъ.

По словамъ Джильмора, въ теченіе осени 1861 года постоянно высылались небольшіе отряды кавалеріи къ Потوماку, въ направленіи къ непріятелю, что, возбуждая въ людяхъ находчивость, осмотрительность и энергію въ преодоленіи безчисленныхъ затрудненій, постепенно готовило кавалерію къ предстоявшей ей партизанской дѣятельности (¹). Въ лагеряхъ кавалерія вырабатывалась въ сомкнутомъ строю и практиковалась въ разныхъ эволюціяхъ и маневрированіи частями на всякой мѣстности какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю. Подготовка партизанской кавалеріи вполне находилась въ рукахъ начальниковъ отрядовъ.

Моральная сторона кавалеріи южанъ была высокою уже по условіямъ комплектованія, желѣзная же дисциплина способствовала укрѣпленію воинскаго духа.

Въ заключеніе о кавалеріи южанъ г. Сухотинъ находитъ, что Конфедерация имѣла кавалерію, составлявшую нѣсколько массъ, вѣранныхъ энергичнымъ и талантливымъ генераламъ и состоящую изъ людей, преданныхъ дѣлу войны до крайней степени; кавалерію, комплектующуюся неутомимыми лихими всадниками, основательно знавшими, какую страшную работу можетъ сдѣлать ихъ легкая и быстрая лошадь; кавалерію, вооруженную карабинами, револьверами, саблею, обученную быстрому маневрированію какъ пѣшкомъ, такъ и на конѣ, а вълѣдствіе того не понимавшую «неудобной мѣстности для употребленія ея» и только ясно сознававшую, что иногда удобнѣе сбить непріятеля шокомъ, въ конномъ строю, а иногда огнемъ или ударомъ въ пѣшемъ строю.

Сѣверяне были въ менѣе выгодныхъ условіяхъ комплектованія арміи, такъ какъ городское населеніе сѣверныхъ штатовъ было неспособно къ кавалерійской службѣ по самому образу жизни. Комплектованіе кавалеріи производилось первоначально наймомъ волонтеровъ, а потомъ введена конскрипція.

Ремонтированіе производилось правительствомъ. При всемъ этомъ федеральная кавалерія въ началѣ войны была малочисленна. Вооруженіе кавалеріи было такимъ же, какъ и у южанъ.

(¹) Г. Сухотинъ.

Въ подготовкѣ главное вниманіе было обращено на дѣйствія въ сѣвѣшенномъ строю. Въ нравственномъ отношеніи федеральная кавалерія тоже уступала кавалеріи противника; въ этомъ отношеніи г. Сухотинъ говоритъ, что «самая система пополненія ея, уже такіе факты, какъ стремленіе волонтеровъ на службу въ кавалеріи, ради предполагаемой легкости ея, и поразительно небрежное обращеніе кавалериста съ лошадью служатъ ручательствомъ за невысокую степень качества кавалеріи сѣверянъ ⁽¹⁾».

Въ общемъ г. Сухотинъ говоритъ, что: «сѣверяне имѣли кавалерію, сформированную подъ вліяніемъ господствовавшихъ мѣній, — незначительную и введенную въ составъ пѣхотныхъ бригадъ и дивизій небольшими частями; кавалерію, комплектующуюся людьми, не понимающими, не знавшими лошади и неспособными къ кавалерійской службѣ».

Таково было состояніе федеральной кавалеріи до 1863 года, когда, значительно усилившись въ количествѣ ⁽²⁾, съ принятіемъ конскрипціи, поднятіемъ дисциплины и послѣ двухлѣтняго боевого опыта, кавалерія сѣверянъ значительно улучшилась, выработала въ себѣ боевыя качества и съ тѣхъ поръ начала удачно соперничать съ кавалеріей противника, значительно превосходя впрочемъ послѣднюю въ численности.

Съ того же 1863 года, федеральная кавалерія, входившая первоначально отдѣльными эскадронами и полками въ составъ пѣхотныхъ бригадъ и дивизій, была сформирована въ сильныя бригады и дивизіи кавалеріи, которыя образовали корпуса при каждой отдѣльной арміи (г. Сухотинъ).

Такимъ образомъ, и американская кавалерія, т. е. по крайней мѣрѣ кавалерія южанъ, которая даетъ наибольшее развитіе партизанскимъ дѣйствіямъ, представляетъ прежде всего кавалерію *легкую, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ послѣдней*, а кромѣ того тоже до нѣкоторой степени *естественную конницу*.

Конечно американская кавалерія не представляетъ собою той естественной конницы, какъ казаки, тѣмъ не менѣе, состоя изъ элемента, свычнаго съ верховой ѣздой, сроднаго съ лошадью по условіямъ жизни

⁽¹⁾ Графъ Парижскій говоритъ, что это пренебреженіе и неумѣніе обращаться съ лошадью и недостатки необходимаго ухода за ними были главною причиною долгаго безенія федеральной кавалеріи.

⁽²⁾ Въ началѣ войны федералисты имѣли только пять регулярныхъ полковъ; но уже въ 1861 году, послѣ Буль-Ронскаго боя, былъ сформированъ еще одинъ кавалерійскій полкъ; къ январю 1862 года кавалерія федералистовъ считала 41 полкъ, въ 45,220 коней, а къ концу 1862 года — по штатамъ около 120,000 коней, въ дѣйствительности же до 60,000 (г. Сухотинъ).

и по характеру службы въ лагерное время, она подходит до известной степени къ естественной конницѣ.

Наконецъ, то же самое представляютъ собою и партизаны австрійской арміи, состоя изъ легкой конницы венгровъ, кроатовъ и прочихъ славянскихъ народностей, которыми со временъ Фердинанда I были заселены пограничныя съ Турціею области съ обязанностью охранять австрійскіе предѣлы.

Австрійская армія располагала стало быть для партизанской войны тоже *легкою кавалеріею, и притомъ сформированною изъ естественной конницы.*

Изъ приведеннаго краткаго обзора состава кавалеріи въ трехъ названныхъ арміяхъ видно, что все онѣ употребляли для партизанской службы, во-первыхъ, легкую кавалерію, способную, пробѣгая сотни верстъ въ сутки, быстро переноситься на большія пространства и являться передъ противникомъ совершенно неожиданно, и притомъ возникшую путемъ естественнымъ, или, какъ въ Америкѣ, подготовленную въ мирное время при условіяхъ близкихъ къ условіямъ выработки естественной конницы, чѣмъ обуславливались известныя индивидуальныя качества всадниковъ.

Тотъ же фактъ, что партизанская война получила наибольшее развитіе и имѣла наибольшій успѣхъ въ трехъ названныхъ арміяхъ, которыя имѣли въ своемъ составѣ легкую конницу и что, съ другой стороны арміи, не имѣвшія ея, хотя и располагавшія прекрасною тяжелой и линейною кавалеріею, какъ, напримѣръ, армія Фридриха Великаго, не могли воспользоваться партизанскою войною, широко развитъ ее, заставляетъ признать, что легкую конницу надо считать самою соответвенною требованіямъ партизанской войны.

А такъ какъ представительницею легкой кавалеріи является естественная конница, которая путемъ своей исторической жизни, сложившей и известныя бытовыя условія, получила совершенно естественную своеобразную выработку, бесконечно цѣнную для партизанскаго дѣла, то слѣдовательно естественную конницу должно считать идеаломъ партизанской конницы, что опять-таки подтверждается вышесказаннымъ историческимъ фактомъ; а стало быть естественную кавалерію должно считать и идеаломъ, къ которому должна стремиться въ дѣлѣ воспитанія и обученія и всякая кавалерія, готовящая себя на партизанское дѣло.

И дѣйствительно, что можетъ быть выше идеальнаго казака для партизанской службы? Исторія и знаменитая година отечественной войны прежде всего краснорѣчиво подтверждаютъ это. Да оно иначе и быть не могло.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что какъ казаки въ русской арміи, такъ и кавалерія американской были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и способны къ бою въ пѣшемъ строю, а черезъ это были способны къ дѣйствіямъ на всякой мѣстности, противъ всякаго противника, т. е. были вообще способны къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ при всякихъ условіяхъ, что и заставляетъ признать въ окончательномъ выводѣ, что *легкая конница, а во главѣ ея конница, возникшая естественнымъ путемъ, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ и способная къ дѣйствіямъ въ пѣшемъ строю, когда обстоятельства того потребуютъ*, — вотъ тотъ образецъ, который нужно принять окончательно за типъ партизанской кавалеріи.

Фактъ широкаго развитія партизанскихъ дѣйствій со стороны армій, обладавшихъ естественною конницею, еще не даетъ, однако, права заключить, что только естественная конница, подобная казакамъ и венгерскимъ гусарамъ, была бы способна для партизанской войны.

Далеко нѣтъ. Примѣры отчасти 1812 года, а главное кампаніи 1813 года свидѣтельствуютъ, что всѣ виды регулярной кавалеріи, кромѣ тяжелой, при извѣстныхъ условіяхъ способны исполнять партизанскія дѣйствія. Въ эти войны наша регулярная кавалерія несла партизанскую службу наравнѣ съ казаками, входя вмѣстѣ съ ними въ составъ партизанскихъ отрядовъ, какъ это видно было выше.

Все дѣло въ подготовкѣ, въ воспитаніи регулярной кавалеріи. Все дѣло въ томъ, что путемъ мирной подготовки регулярную кавалерію въ общей массѣ ея должно сдѣлать способной къ быстрымъ, продолжительнымъ движеніямъ, къ усиленной работѣ вообще, къ извѣстнаго рода лишениямъ, неизбѣжнымъ въ военное время; приучить къ бою въ пѣшемъ строю, выработать ее въ развѣдывательной службѣ, въ способности быстро ориентироваться и проч., подобно тому, какъ все это выработано въ естественной конницѣ. Словомъ, подвести регулярную кавалерію путемъ мирной подготовки возможно ближе къ ней по свойствамъ, а главное — путемъ воспитанія кавалеріи вселить въ нее истый кавалерійскій духъ, сродный всякой естественной конницѣ, при которомъ кавалеристъ считаетъ себя всесильнымъ и не останавливается не передъ чѣмъ.

А между тѣмъ въ дѣйствительности подготовка регулярной кавалеріи въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуетъ этому направленію.

Въ дѣйствительности чаще всего встрѣчается, что выдержка кавалеріи въ мирное время и требованія мирнаго времени даже не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ кавалеріи работа военнаго времени вообще, да и самое обученіе и подготовка кавалеріи не испол-

не отвѣчаютъ той роли, которая выпадаетъ на долю кавалеріи въ военное время.

Это и составляетъ главную причину тому, что регулярная кавалерія европейскихъ армій въ большинствѣ случаевъ оказывалась несостоятельною въ дѣлѣ партизанской войны. Сказанное вполне подтверждается и примѣромъ 1813 года, такъ какъ успешное участіе регулярной кавалеріи въ партизанскихъ дѣйствіяхъ въ эту войну мы объясняемъ тѣмъ, что кавалерія наша успѣла прежде втиснуться въ усиленную работу въ предшествовавшій годъ войны; она за службу въ 1812 году успѣла выработать себя для серьезныхъ требованій стратегической службы кавалеріи вообще, — такимъ образомъ въ ней недостатокъ подготовки мирнаго времени восполнился боевою службою и опытомъ, вынесеннымъ изъ года войны. Кромѣ того, въ 1813 году кавалерія наша, въ партизанскихъ подвигахъ ея, была предводима начальниками талантливыми, опытными въ этомъ дѣлѣ, что тоже имѣетъ не малое значеніе въ этомъ случаѣ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Опредѣливъ путемъ изслѣдованія фактовъ общій типъ кавалеріи, наиболѣе соотвѣтствующій требованіямъ партизанской службы (легкая кавалерія и преимущественно возникшая путемъ естественнымъ), — остановимся теперь болѣе подробно на опредѣленіи необходимыхъ свойствъ кавалеріи, предназначенной для партизанской войны, какъ условій, обеспечивающихъ собою успѣхъ развитія послѣдней, — свойствъ, которыя должно, стало-быть, развитъ во всей массѣ кавалеріи, предназначенной для партизанскихъ дѣйствій.

Партизанская дѣятельность кавалеріи, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, въ частностяхъ потребуетъ отъ кавалеріи:

1) Способности къ дальнимъ и быстрымъ движеніямъ, что составляетъ самую капитальную способность.

2) Способности вести бой съ отрядами изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и притомъ на всякой мѣстности, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю, а въ случаѣ надобности должна быть способною штурмовать укрѣпленные пункты. Короче, кавалерія должна быть способною вполне самостоятельно вести бой при всевозможныхъ условіяхъ, вдали отъ всякой помощи.

3) Искуснаго маневрированія съ цѣлью отвлеченія вниманія противника и скрѣтїя своего направленія и намѣреній.

4) Высокой степени развитая способность къ отправленію развѣдывательной и охранительной службы.

5) Способности къ уничтоженію желѣзныхъ дорогъ и прочихъ учреждений въ тылу арміи противника.

Необходимость всѣхъ этихъ свойствъ опредѣляетъ собою извѣстный взглядъ на кавалерію, опредѣляетъ вооруженіе ея, мирную подготовку кавалеріи и снаряженіе партизанской кавалеріи.

Разсмотримъ эти четыре условія.

Партизанская дѣятельность кавалеріи требуетъ, прежде всего, глубокаго убѣжденія въ томъ, что она способна не только къ тактической дѣятельности и къ операціямъ въ связи съ арміею, но, при извѣстныхъ условіяхъ, въ равной мѣрѣ способна и къ исполнѣ самостоятельными дѣйствіямъ, относящимся къ сферѣ стратегическихъ операцій ея, которыя въ настоящее время пріобрѣтаютъ наибольшее значеніе въ боевой роли кавалеріи вообще. Надлежитъ усвоить тотъ взглядъ, что отважная кавалерія, соотвѣтственнымъ образомъ сформированная, вооруженная и подготовленная, будетъ имѣть успѣхъ вездѣ и не нуждается въ помощи. Разъ, что этотъ взглядъ усвоенъ, то онъ опредѣлитъ собою и условія мирной подготовки кавалеріи.

Мирная подготовка кавалеріи, основанная на такомъ взглядѣ, въ общемъ должна клониться къ укорененію его въ самой кавалеріи и къ развитію въ ней всѣхъ моральныхъ и физическихъ качествъ, требуемыхъ условіями одинаковой выработки въ ней какъ тактическихъ, такъ и стратегическихъ свойствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что кавалерія должна быть пріучена, путемъ мирной подготовки, къ маневрированію въ крупныхъ массахъ, на открытыхъ и ровныхъ пространствахъ, благопріятствующихъ кавалерійскому бою, и въ частностяхъ выработана во всемъ, что обезпечиваетъ собою успѣхъ боя кавалеріи, и въ то же время одинаково широкою, практикою мирнаго времени должна быть подготовлена къ самостоятельной стратегической роли.

Эта послѣдняя роль кавалеріи требуетъ отъ нея, прежде всего, способности *вполнѣ самостоятельно вести бой при всевозможныхъ условіяхъ, т. е. противъ всякаго противника и на всякаго рода мѣстности*, какъ по характеру стратегической службы кавалеріи, такъ и потому уже, что кавалерія по свойствамъ своимъ представляетъ родъ оружія, заключающій въ себѣ преимущественно элементъ наступательный и, стало-быть, вообще не выбираетъ мѣста для боя. По этой причинѣ стратегическая роль кавалеріи вообще и партизанская служба въ частности, опять-таки, опредѣляютъ собою, прежде всего, извѣстный взглядъ на кавалерію и ея *силу*: кавалерія, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ, должна чувствовать себя одинаково сильною какъ въ конномъ строю, такъ и въ иѣшемъ (при извѣстныхъ условіяхъ мѣстности), т. е.

одинаково сильною на всякой мѣстности и противъ всякаго противника.

Въ направленіи этого взгляда кавалерія въ полномъ своемъ составѣ *должна быть вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ* и подготовлена соотвѣтственно этому взгляду, т. е. *должна быть готова драться на всякой мѣстности*, а для того она должна быть выработана въ умѣніи оцѣнивать свойства мѣстности, приѣмать къ нимъ свой образъ дѣйствій, а также быть способною вести упорный пѣхотный бой.

Понятно само собою, что кавалерію вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ выработать въ томъ взглядѣ, что къ пѣшему бою она должна обращаться въ минуты крайней необходимости, такъ какъ въ бою съ пѣхотою она сильна именно присущими конницѣ свойствами, быстротою движенія и происходящими отъ того внезапностью нападеній и сильнымъ нравственнымъ впечатлѣніемъ.

Понятно, что теперь не можетъ быть и рѣчи объ отрицаніи пользы сѣшиванія кавалеріи. Отрицать пользу сѣшиванія кавалеріи значило бы ни болѣе, ни менѣе, какъ отрицать опытъ исторіи всѣхъ предшествовавшихъ войнъ. Извѣстно, что необходимость сѣшивать въ извѣстныхъ случаяхъ кавалерію, а стало-быть и имѣть кавалерію способную сѣшиваться и вести упорный пѣхотный бой, признано уже очень и очень давно и привело къ созданію драгунъ ⁽¹⁾. Все дѣло сводится къ наиболѣе цѣлесообразному разрѣшенію этого вопроса соотвѣтственно времени, и въ этомъ отношеніи вопросъ разрѣшался на разные лады въ смыслѣ пропорціи кавалеріи, способной сѣшиваться, и ближайшихъ свойствъ ея. При этомъ надо замѣтить однако, что въ большинствѣ случаевъ встрѣчается неправильный взглядъ на дѣйствительное значеніе и употребленіе драгунъ, вслѣдствіе чего исторія войнъ представляетъ мало случаевъ цѣлесообразнаго употребленія драгунъ: организація драгунъ подвергалась постояннымъ измѣненіямъ, и драгуны, постоянно утрачивая свое значеніе, во всѣхъ арміяхъ, кромѣ нашей, обратились въ простую кавалерію ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Извѣстно, что слѣды сѣшиванія кавалеріи замѣчаются даже въ древнія времена (демахосы). Въ арміи Александра Македонскаго часть кавалеріи обучена была дѣйствию въ пѣшемъ строю. Время же появленія драгунъ относится къ половинѣ XVI вѣка.

⁽²⁾ Первоначально и долгое время полагали удовлетворить потребности организаціею конной пѣхоты, затѣмъ пришли къ организаціи драгунъ въ смыслѣ кавалеріи, способной сѣшиваться и вести пѣхотный бой. Во всякомъ случаѣ, драгуны постоянно утрачивали свое значеніе и во всѣхъ арміяхъ, кромѣ русской, постепенно обратились въ простую кавалерію. Въ Россіи драгуны имѣли свое самостоятельное историческое развитіе. Идея драгунъ въ смыслѣ кавалеріи, способной

Въ наше время, когда стратегическая роль кавалеріи безспорно приобретаетъ большее и большее значеніе, требуетъ отъ нея большей самостоятельности, требуетъ, чтобы кавалерія соединяла въ себѣ три рода оружія, необходимость вооруженія всей кавалеріи огнестрѣльнымъ оружіемъ и необходимость способности вести пѣхотный бой не можетъ подлежать уже никакому сомнѣнію. И теперь надлежитъ только, болѣе чѣмъ когда-либо, остеречься, въ дѣлѣ подготовки кавалеріи, отъ увлеченія тою или другою стороною дѣла и специализаціи каждой изъ нихъ въ отдѣльности, а развивать новую кавалерію и вести ее въ томъ направленіи, чтобы она была родомъ оружія, дѣйствительно способнымъ дѣйствовать въ конномъ строю какъ лучшая кавалерія, а въ пѣшемъ—какъ пѣхота. Итакъ, не допуская возможности сомнѣній въ пользѣ спѣшиванія кавалеріи, мы не допускаемъ также сомнѣній и насчетъ силы спѣшенной кавалеріи, если она соотвѣтственно вооружена и воспитана.

Взглядъ этотъ раздѣляется далеко не всеми. Германская армія, какъ извѣстно, до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться отъ типа регулярной кавалеріи XVIII столѣтія ⁽¹⁾ и съ усмѣшкою относится къ поборникамъ этого взгляда, между тѣмъ какъ взглядъ этотъ, далеко не новый, вовсе не представляетъ собою, какъ полагаютъ нѣмцы, опаснаго продукта увлеченія примѣромъ Американской войны, какъ ближайшей къ намъ войны, въ которой кавалерія отвѣчала указанному взгляду, но высказывался еще много раньше; и притомъ такими великими знатоками военного дѣла, какъ Наполеонъ, который, съ окончаніемъ его военной карьеры, а, стало-быть, послѣ всего вынесеннаго имъ изъ нея опыта, высказалъ, что «вся кавалерія должна быть вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ и уметь маневрировать (дѣйствовать) пѣшкомъ. Трехтысячный отрядъ легкой конницы или кирасиръ никакимъ образомъ не долженъ остановиться передъ 1,000 пѣхотинцами, занимающими дѣсь или вообще находящимися на мѣстности неудобной для дѣйствія конницы по конному. Такой же (3,000) отрядъ драгунъ не долженъ задумываться

замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣхоту въ нашей арміи, находила всегда наибольшее сочувствіе, а потому и организація драгунъ, появившись впервые въ царствованіе Михаила Θεодоровича, получаетъ у насъ наибольшее развитіе. Тѣмъ не менѣе и у насъ мало былъ распространенъ правильный взглядъ на дѣйствительное значеніе и употребленіе драгунъ, влѣдствіе чего исторія нашихъ войнъ представляетъ тоже мало случаевъ цѣлесообразнаго употребленія драгунъ; сама же организація драгунъ подвергалась постояннымъ измѣненіямъ.

(1) Однако и у Фридриха почти вся кавалерія была способна вести пѣший бой; отъ драгунъ своихъ онъ требовалъ такихъ же ровныхъ залповъ, какъ и отъ пѣхоты (г. Сухотинъ). Въ день Лейтена Фридрихъ взялъ крѣпость Неймаркъ спѣшенными гусарами.

передъ атакою 2,000 пѣхотинцевъ, которые, пользуясь покровительствомъ жѣстности, вздумали бы ихъ остановить».

Великій Суворовъ былъ такого же взгляда, о чемъ свидѣтельствуется фактъ употребленія имъ казаковъ какъ въ конномъ бою, такъ и въ пѣшемъ.

Что касается силы спѣшенной кавалеріи, та же исторія порукой тому, что кавалерія можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать и въ пѣшемъ строю. Факты успѣшныхъ дѣйствій въ пѣшемъ строю кавалеріи, даже не имѣвшей въ своихъ рукахъ современнаго оружія, въ прежнія времена можно было бы привести въ большомъ числѣ. Достаточно вспомнить, что чугуевскіе казаки ходили на штурмъ Орѣшка ⁽¹⁾, Очакова и Измаила; въ Турецкую войну 1829 года, при штурмѣ Шумлы, александрійскіе гусары спѣшились и взяли штурмомъ укрѣпленіе въ шесть орудій. Фридрихъ II въ день Лейтена взялъ крѣпость Неймаркъ спѣшенными гусарами въ числѣ 30-ти эскадроновъ. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ славныхъ гребенскихъ казаковъ, подъ начальствомъ Сулова, 24-го мая 1846 года, у Акбулатъ-Юрта, когда казаки, въ числѣ 80-ти человѣкъ, атакованные скопищемъ горцевъ, числомъ до 2,000, спѣшились, залегли за сбатованными конями и, открывъ мѣткій огонь, продержались два часа до прибытія помощи. Вспомнимъ подвигъ уральцевъ подъ Иканомъ противъ коканцевъ. Въ войнахъ французовъ въ Алжирѣ капитанъ Фовасъ съ однимъ эскадрономъ держался шесть часовъ противъ 800 человѣкъ регулярной кавалеріи эмира. Капитанъ алжирскихъ спаговъ Піатъ держался противъ 2,000 кабилловъ, пока не подошелъ герцогъ Омальскій ⁽²⁾. Штурмъ заваловъ, за которыми скрывалась партія Хаджи-Мурата, 7-го апрѣля 1851 года, эскадрономъ нижегородскихъ драгунъ. Выше была указана атака Тетенборна спѣшенными казаками трехтысячнаго отряда Морана, на переправѣ черезъ Эльбу при занятіи Гамбурга въ 1813 году. Въ сраженіи при Сольферино гусары Фонатерни спѣшились и заняли Костель-Гофредо. Нельзя не вспомнить дѣйствій отряда Крейца; драгуны его нѣсколько разъ спѣшивались и сражались въ пѣшемъ строю, что было причиною распространившагося слуха, что онъ имѣетъ при себѣ нѣсколько полковъ пѣхоты. «Донесенія, писанныя подъ вліяніемъ страха, — говоритъ Смитъ, — перешли въ историческія книги, и Шпациръ, какъ и многіе другіе, даетъ Крейцу до 24,000», когда онъ въ сущности имѣлъ 18 эскадроновъ драгунъ, 800 казаковъ и 18 орудій, всего около 3,500 человѣкъ.

⁽¹⁾ За штурмъ этого Петръ I пожаловалъ имъ красныя шапки и повелѣлъ именоваться «орѣшковскими».

⁽²⁾ «Военный Журналъ» 1851 г. № 1-й: «О войнѣ въ Алжирѣ Юсуфа».

Мы умышленно взяли нѣсколько примѣровъ изъ болѣе отдаленныхъ войнъ, чтобы не ссылаться на Американскую войну, хотя послѣдняя даетъ на каждомъ шагѣ примѣры самостоятельности кавалеріи въ пѣшемъ строю, выразившіеся даже въ успѣшныхъ штурмахъ фортвъ. Многое можно было бы указать еще, но довольно и этихъ примѣровъ.

Въ частностяхъ, подготовка кавалеріи, направленная къ выработкѣ въ ней свойствъ, необходимыхъ для отправления партизанской службы, должна состоять въ слѣдующемъ:

Одишочная выработка людей, нижнихъ чиновъ и офицеровъ, какъ въ нравственномъ смыслѣ, такъ и физическая, понятно, общая во всей массѣ кавалеріи. Въ этомъ отношеніи, въ виду вышеноставленныхъ требованій надо отмѣтить лишь, что для службы въ партизанскихъ отрядахъ потребуется отъ людей большая, чѣмъ гдѣ-либо, выносливость и способность переносить всѣ невзгоды военного времени, меньшей впечатлительности подъ вліяніемъ случайностей, большая, чѣмъ гдѣ-либо, способность смѣло идти на самыя невѣроятныя предпріятія, не теряться и не падать духомъ въ критическія минуты, т. е. нуженъ закаленный характеръ; большая, чѣмъ гдѣ-либо, сметка, находчивость, вниманіе къ окружающему, наблюдательность, способность ориентироваться, запомнить пройденное пространство, наблюдать военныя примѣты, и, кромѣ того, для всѣхъ унтеръ-офицеровъ умѣть читать карту. Все это достигается возможно полнымъ индивидуальнымъ развитіемъ людей въ общемъ смыслѣ, заботливымъ *одишочнымъ* развитіемъ людей на походныхъ движеніяхъ, развѣдывательной и охранительной службѣ. Подготовка же цѣлыхъ частей кавалеріи должна состоять въ такой системѣ полевыхъ занятій, при которой было бы отведено возможно широкое мѣсто развѣдывательной и охранительной службѣ и походнымъ движеніямъ на большія пространства, связаннымъ непременно съ двухстороннимъ маневрированіемъ, при соотвѣтственномъ подборѣ задачъ и при возможно полномъ соблюденіи условій военного времени. Веденіе всѣхъ этихъ занятій на походныхъ движеніяхъ въ большихъ раіонахъ, кромѣ того, что втянетъ людей и лошадей въ усиленную работу и выработаетъ при этомъ извѣстныя сноровки въ дѣлѣ соразмѣрности извѣстной работы съ даннымъ временемъ, — условіе весьма важное при форсированной работѣ кавалеріи на партизанской службѣ и въ дѣлѣ практическаго разрѣшенія разныхъ хозяйственныхъ распоряженій, дастъ еще возможность вести занятіе на незнакомой мѣстности.

Затѣмъ упражненія частей кавалеріи должны обнимать маневрированія противъ кавалеріи и пѣхоты при самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ

условіяхъ и задачахъ, что поведетъ кавалерію къ выработкѣ въ ней умѣнія примѣняться къ мѣстности въ общемъ смыслѣ этого слова и къ усвоенію кавалеріей веденія боя въ конномъ и пѣшемъ строю. При этомъ должно быть дано возможно широкое развитіе совмѣстному обученію кавалеріи съ пѣхотою, т. е. къ разнообразному маневрированію противъ пѣхоты, что дастъ возможность кавалеріи основательно познакомиться со свойствами послѣдней и, такъ сказать, приноровиться къ ней въ дѣлѣ развитія противъ нея боя.

При выборѣ задачъ для маневрированія и упомянутыхъ походныхъ движеній должно, понятно, вставить нѣсколько такихъ, которыя привели бы къ дальнимъ набѣгамъ и форсированнымъ движеніямъ; затѣмъ кавалерію слѣдуетъ возможно больше упражнять въ ночныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, требующихъ выработки особыхъ приѣмовъ и сноровокъ, въ нечаянныхъ нападеніяхъ и приучить къ тревогамъ, причемъ эти послѣднія обязательно должно связывать съ тѣмъ или другимъ тактическимъ заданіемъ и подводить ближе къ обстановкѣ военного времени.

Наконецъ, кавалерію должно обучить еще плаванію, дабы переплываніе широкихъ рѣкъ безусловно не представляло бы никакихъ затрудненій для кавалерійской части.

Путемъ такой подготовки кавалеріи въ мирное время, вырабатывающей въ ней тѣ свойства, которыя существуютъ въ естественной конницѣ, можно всю массу регулярной кавалеріи подвести къ ней, какъ къ идеалу легкой конницы.

Разрѣшивъ вопросъ вооруженія и подготовки кавалеріи, должно еще снарядить кавалерію согласно требованію партизанской службы. Отправною точкою въ дѣлѣ рѣшенія этого вопроса должно служить то соображеніе, что быстрые и продолжительные движенія возможны только при легкомъ снаряженіи, и что снаряженіе отнюдь не должно стѣснять подвижности отрядовъ. Эта подвижность отрядовъ можетъ быть достигнута двумя способами: легкостью снаряженія каждаго всадника и легкостью снаряженія частей. Первое средство въ наше время составляетъ общее условіе для всей кавалеріи, и въ отношеніи его задача сводится къ возможному уменьшенію вѣса кавалерійскаго вьюка.

Что же касается втораго средства, то партизанская служба требуетъ нѣкоторой особенности приложенія его, распространить которое на всю массу кавалеріи было бы неудобно. Исходя изъ взгляда, высказаннаго д'Алонвильемъ, однимъ изъ лучшихъ французскихъ кавалеристовъ, что «въ кавалерійскомъ отрядѣ каждое колесо — лишняя обуза, мѣшающая движенію», мы не допускаемъ возможности никакого колеснаго обоза, совершенно непригоднаго для быстрыхъ движеній, особенно на мѣстности

пересѣченной, тѣмъ болѣе въ партизанскихъ отрядахъ, всѣ дѣйствія которыхъ основаны, прежде всего, на быстротѣ движеній. Единственный возможный видъ обоза въ партизанскихъ отрядахъ есть выучный обозъ, да и тотъ долженъ быть возможно уменьшенъ въ количествѣ ⁽¹⁾.

Казаки во всѣхъ партизанскихъ набѣгахъ имѣли выучный обозъ. Обеспеченіе обоза, даже выучнаго, на столько важно, что Давыдовъ считаетъ нужнымъ уменьшить его въ партизанскихъ партіяхъ на половину противъ положеннаго въ казачьихъ частяхъ. «Вступивъ въ командованіе партією,—говоритъ онъ,—начальникъ уменьшаетъ на половину противъ положеннаго коши ⁽²⁾, т. е. опредѣляетъ по одной выучной лошади на 20 человекъ; подавая собою примѣръ умеренности, онъ настрожайше воспрещаетъ обременять партію излишними лошадьми въ кошахъ, гдѣ назначается по одному худоконному казаку на двѣ лошади». Итакъ, стало-быть, выучный обозъ, и притомъ въ возможно ограниченномъ количествѣ,—вотъ первое необходимое условіе и особенность снаряженія партизанской кавалеріи.

Съ другой стороны, въ виду крайней важности той же быстроты движеній во всѣхъ операціяхъ и самостоятельности положенія партіи въ набѣгѣ, мы признаемъ безусловно нужнымъ, чтобы каждый эскадронъ, входящій въ составъ партіи, имѣлъ бы при себѣ достаточное количество шанцеваго инструмента, необходимаго, главнымъ образомъ, для устройства переправъ черезъ рѣчки, овраги и проходовъ въ другихъ трудно проходимыхъ мѣстахъ, а затѣмъ и для приведенія въ оборонительное положеніе мѣстныхъ предметовъ и возведеніе легкихъ окоповъ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ по характеру партизанскихъ дѣйствій можетъ встрѣтиться надобность въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, а потому окопный инструментъ можетъ входить лишь въ самый ограниченный количество ⁽³⁾.

Намъ кажется, что на каждый эскадронъ достаточно было бы назначить 20—30 топоровъ и не больше 10 лопатъ; кирки и ломы могутъ вовсе не входить въ снаряженіе. Кромѣ того, было бы полезно имѣть съ собою небольшое количество нѣкоторыхъ матеріаловъ, какъ, на примѣръ, скобъ, гвоздей и т. под. Все это приводитъ къ необходи-

(1) Мы имѣемъ въ виду крупные партизанскіе отряды.

(2) Выучный обозъ казаковъ.

(3) Замѣчательно, что Петръ Великій придавалъ такое большое значеніе самостоятельности кавалеріи въ этомъ смыслѣ, что драгуны его имѣли шанцевый инструментъ въ весьма значительномъ количествѣ. На 33,000 человекъ драгунъ полагалось: топоровъ—26,400, лопатъ—3,300 (какое правильное отношеніе!), кирокъ—3,300, всего 33,000 штукъ, т. е. на каждого солдата по одной! («Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи», Н. А. Иванова).

мости имѣть въ каждомъ эскадронѣ конно-піонерную команду, обученную саперному дѣлу. Сверхъ того, въ снаряженіе отряда долженъ входить въ достаточномъ числѣ инструментъ и снаряды, необходимые для порчи желѣзныхъ дорогъ, а также полезно имѣть и переносный телеграфный аппаратъ для пользованія имъ во время набѣговъ, подобно тому, какъ пользовался Морганъ.

На случай продолжительныхъ набѣговъ партіи должны быть снабжены относительно большимъ количествомъ патроновъ, запасъ которыхъ долженъ возиться тоже во вьючныхъ патронныхъ ящикахъ.

Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе частности снаряженія, какъ-то: количество провіанта, фуража и проч., такъ какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, въ тактической части изслѣдованія, въ вопросѣ о составѣ партіи.

При указанномъ взглядѣ на кавалерію, при указанномъ вооруженіи и снаряженіи ея, при указанной подготовкѣ ея въ мирное время можно развить въ ней всѣ вышеприведенныя свойства, требуемыя условіями партизанской войны, искусственно подойти болѣе или менѣе близко къ тому типу легкой конницы, которую представляетъ естественная конница, и во всякомъ случаѣ сдѣлать всю массу регулярной кавалеріи вполне пригодной къ широкому развитію партизанскихъ дѣйствій при современныхъ условіяхъ войны, само собою разумѣется, при доброкачественномъ матеріалѣ, изъ котораго сформирована кавалерія.

Итакъ, стало-быть, масса легкой конницы соответственно вооруженной и снаряженной и правильно введенной въ мирное время, а тѣмъ болѣе естественной конницы, — вотъ что обезпечиваетъ, съ одной стороны, успѣхъ партизанскихъ дѣйствій.